

Новые симфонии в исполнении Мравинского

к. с. в. н. п. х.
л. т. 48.

Последние дни декабря были отмечены исполнением двух значительных произведений советской музыки 1947 года, ранее неизвестных общественности столицы — шестой симфонии Прокофьева и симфонии-поэмы Хачатуряна.

Шестая симфония Прокофьева, как и пятая, позволяет говорить о начавшемся новом этапе в симфоническом творчестве этого большого мастера, о кристаллизации в его симфонических произведениях ярко выраженных национально-эпических черт, образов жизнеутверждающей силы и мощи, философской напряженности и углубленного лиризма. Вместе с тем Прокофьев не утратил и своего собственного, столь индивидуального композиторского почерка, который ясно ощущается и в рельефных мелодических оборотах, и в красочных, иногда заостренных гармонических звучаниях, и в мастерской инструментозке.

Мне думается, что одна из отличительных черт симфонии — ее цельность. Пожалуй, и драматически-острая первая часть, и напряженно-сосредоточенная вторая, и сверкающий финал по-своему ярки и интересны.

«Симфония-поэма» Хачатуряна радует, как и большинство его произведений, жизненной полнокровностью и конкретностью эмоций, богатством и яркостью красочной палитры. Произведение, посвященное Великой Октябрьской социалистической революции, задумано широко, как симфония, и свободно-лирически, как поэма. Это подчеркивается и необычным составом оркестра: он увеличен большим количеством труб и органом. Такой состав позволяет автору создавать эффекты исключительной звуковой мощи и редких по интенсивности динамических нарастаний. Колорит поэмы особенно своеобразен бла-

годаря оригинальному применению органа, могучие «волны» пассажей которого, как и «режущие» переключки труб, неотразимо действуют на слушателя.

Оба эти очень различные по содержанию и стилистическим приемам произведения были прекрасно переданы Мравинским. Целеустремленная собранность его исполнения прекрасно гармонизовала с четкими, конкретно-ясными, строго организованными образами Прокофьева. Эмоциональный размах, темперамент, огромная сила, может быть, даже несколько гипертрофированная, динамическая амплитуда «Симфонии-поэмы» также не в меньшей мере удалась Мравинскому. Этот концерт вновь подтвердил, что Е. Мравинский находится сейчас в лучшей поре своего артистического развития. У него есть редкое ценнейшее качество, обладать которым дано очень немногим артистам, — гармоническое сочетание эмоционального и интеллектуального, рассудка и чувства.

Таланту Мравинского присущи и необходимые дирижерские черты: особенная дирижерская «императивность», та необходимая для руководителя оркестра властность мысли, при наличии которой любой жест, даже взгляд, моментально передаются оркестру. По сравнению со многими другими дирижерами его жест необычайно скуп, но точен, и всегда все намерения этого выдающегося мастера реализуются полностью. Хотелось бы только напомнить о том, как много труда вкладывает все время Евгений Александрович в свою профессию, как настойчив он в достижении высот одной из труднейших специальностей музыканта — дирижера симфонического оркестра.

И. ЕВГЕНЬЕВ.